

В городе – сильное украинское влияние. 28-й полк украинизирован. Переименован во 2-й украинский... гарнизон только что пополнен также украинизированным Чигиринским полком...

Эти полки стоят за Центральную Раду, но нерешительны... 19-й бронедивизион был также настроен весьма ненадёжно, – Рада сильно рассчитывала на его поддержку, но Сиверс... захватил этот дивизион почти тотчас по своём прибытии. В этом дивизионе – 4 вполне исправных машины.

По сообщению Муралова¹⁰⁹ в Харькове имелось до 10 тыс. красногвардейцев; на деле оказалось вооружённых рабочих не более 3-х тыс. человек...

Из этих красногвардейцев – годных к боевым действиям – не более 11/2 тыс. чел....

В городе продолжает действовать городская дума. Рядом с ней – беспомощный совет, в котором засилье соглашателей. При совете – ревком, в который входят и меньшевики и эсеры. Ревком крайне раздражительно относится к действиям наших частей и не оказывает им никакого содействия, а только преисполнен обиды на их *самоуправство*.

В штабе красной гвардии – тов. Рухимович, равнодушно относящийся к нуждам наших отрядов, но также и несколько храбрых товарищей, вроде тов. Белянковича¹¹⁰ (вскоре перешёл в мой штаб в качестве его коменданта). Местные большевики в большой нерешительности, ищут коалиции с соглашателями и не решаются ни на какие серьёзные меры...

Во главе большевистской организации член ЦК Артём (Сергеев). Сидит на проводах, разговаривая с «центром». Помаленьку соглашается с буржуазией. «Областной комитет» – с ростовскими товарищами, Васильченко и его неизменным спутником

¹⁰⁹ Н.И. Муралов, один из организаторов Московского Совета солдатских депутатов, член Московского ВРК и ревштаба, являлся одним из руководителей октябрьского вооружённого восстания в Москве. 2 ноября 1917 г. подписал приказ «о победе революции в городе» и в тот же день был назначен комиссаром Московского военного округа с правами командующего войсками. По пути следования Антонов-Овсеенко с Муравьёвым останавливались в Москве, где имели с Мураловым продолжительную беседу.

¹¹⁰ Так в тексте. Речь идёт о А.М. Беленковиче.

Жаковым – с большой претензией на руководство всем и с полным отсутствием влияния на что-либо.

А кругом всё враждебно или неопределённо...»

Эти строки неопровержимо свидетельствуют: уверенности в падении Рады, тем более, в скором начале военных действий в Совнаркоме не было, да и быть не могло. Ни в Петрограде, ни в Киеве, ни в Харькове, ни где-либо ещё не представляли даже, какими, собственно, силами стороны располагают.

Что касается «харьковских товарищей», то их негативное отношение к советским отрядам, концентрирующимся в городе, объясняется вовсе не одной лишь боязнью сорвать намечавшиеся переговоры с Радой. В руки этих людей попала пусть ограниченная, но реальная власть. И сразу же все устремления свелись к тому, чтобы предотвратить любые действия, чреватые её утратой. Направленные из Петрограда военные стремились, не считаясь ни с чем и как можно скорее, занять и обезопасить коммуникации. Харьковский Совет, Областной комитет и ревком, напротив, все усилия прилагали к тому, чтобы сохранить существующее положение и избежать любых непредсказуемых действий. Эти люди, по существу, уже подписали свой «брестский мир» краевого масштаба.

Впрочем, вскоре в город прибыли и организовались другие, ещё не получившие власти, но весьма к этому стремившиеся. Возможный вооружённый конфликт с Радой не только их не останавливал, но, напротив, открывал головокружительные перспективы.

8.3.4.3. I съезд Советов Украины. Образование Советского правительства. Червонное казачество

В день прибытия Главкома 11 декабря 1917 г. собравшийся в Харькове¹¹¹ I Всеукраинский съезд Советов в противовес УНР провозгласил Украину «Республикой Советов», заявил о феде-

¹¹¹ Большая часть делегатов прибыла из Киева, посчитав, что работа съезда под контролем Рады невозможна. Вторую значительную группу составили представители Окружного съезда Советов вновь образованной Донецко-Криворожской области.

ративных отношениях с Россией и о решительной борьбе с Центральной Радой. Был избран ВЦИК Советов Украины в составе 40 человек¹¹², а вскоре создано и Советское правительство Украины – Народный секретариат.

С первых же дней у делегатов Съезда с представителями Харьковских советских и партийных органов сложились весьма натянутые отношения¹¹³, которые после избрания Народного секретариата только ухудшились.

Вновь образованная структура по определению претендо-

¹¹² Из них большевиков – 34.

¹¹³ «Уже в день приезда из Киева делегатов 1-го Всеукр. Съезда Советов и Краевого парткомитета, – пишет Е. Бош, – харьковские товарищи встретили прибывших не скажу чтобы совсем враждебно, но в их отношении проглядывало нескрываемое недружелюбие. И если не говорили прямо, то во всём, даже в мелочах, как устройство на ночёвку, давали понять, что приехавшие для них «нежеланные гости».

Этот приём, после дружеского предложения председателя Донецко-Криворожского областного парткомитета, тов. Артёма... был полной неожиданностью... И в первый момент трудно было подыскать объяснение этому недружелюбию.

Но на ночном заседании (в день приезда) харьковского парткомитета, президиума Областного и Краевого парткомитета (во время перерыва пленума Совета), харьковчане дали понять, что они не потерпят вмешательства «приезжих» в местные дела. Это если и не было полным объяснением враждебной встречи, то всё же серьёзным предупреждением. Краевой комитет принял это предупреждение и решил быть сугубо осторожным и не допускать и избегать возможности случайных вторжений в местные дела. *Но это нелегко было провести в жизнь, оставаясь в Харькове...*

Переговоры о помещении для делегатов Всеукраинского съезда Советов показательны для характеристики отношения харьковских руководящих работников к приехавшим товарищам...

В начале переговоров товарищ (харьковчанин) в категорической форме отказал в предоставлении помещения, заявив: «Устраивайтесь, как хотите. Мы не обязаны предоставлять вам квартиры...»

...на все доводы получался один ответ: «Я сказал, что помещения у нас нет. Не мешайте мне работать».

Наконец, часа в 2 ночи, после решительного протеста члена Краевого комитета... последовал, после некоторых размышлений и совещания с присутствовавшими при этом разговоре харьковчанами, более благоприятный ответ: «Делегатов устроим в помещении, предназначенном для нашего Областного съезда Советов, а вам (Краевому парткомитету) можем отвести камеру в тюрьме». – «С запором и конвоем?» – спросил член Краевого комитета. Товарищ не ответил, суровым взглядом дал понять неуместность вопроса и углубился в разложенные перед ним бумаги».

вала на осуществление властных полномочий на всей территории Украины и, следовательно, на подчинение себе городского Совета. Однако последний и не думал подчиняться. Более того, к Съезду, к его составу и к итогам работы относился с большим недоверием, а принятые решения по существу игнорировал. Исполком Совета, Ревком и даже Областной парткомитет¹¹⁴ открыто саботировали любые начинания ЦИК Ук. При этом «харьковские товарищи»¹¹⁵ всеми способами срывали мероприятия «киевских», а вскоре уже публично ставили под сомнение полномочия и само существование Советского правительства Украины.

В.М. Примаков

Во время работы Съезда совместная работа как-то наладилась. Харьковчане в ультимативной форме потребовали предоставить им четыре места в составе Народного секретариата, и это «пожелание» было выполнено, что и предотвратило конфликт. Однако вскоре отношения обострились вновь.

Характерен следующий эпизод. По завершении работы Съезда представители Народного секретариата обратились в Харьковский Совет с просьбой выделить помещение для расквартирования и работы. Исполком, не говоря прямо – нет, под разными предлогами всячески затягивал решение вопроса. Что касается Областного парткомитета, то там отказались выделить даже и комнату. «В первые дни, – пишет Е. Бош, – члены президиума Ц.И.К. и Народного Секретариата всячески изворачивались, намечали заседания по ночам, когда освобождался зал. Днём работали в каких-то тёмных комнатах, заваленных

¹¹⁴ Прибывший из Киева комитет партии большевиков Украины именовался Краевым, Донецко-Криворожский – Областным, городской – Харьковским.

¹¹⁵ «Руководящие партработники Харькова, – уточняет Е. Бош, – входили в президиум Областного Донецко-Криворожского комитета, в Харьковский парткомитет и исполком Харьковского Совета, так что персонально это были почти одни и те же товарищи».

всяким хламом, а первый манифест писали на подоконниках в коридоре и самостоятельно никаких мер к подысканию помещения не принимали, пытаясь столкнуться с харьковчанами, чтобы избежать трений и упрёков о вторжении в местную жизнь...»

Понятно было, что так долго продолжаться не могло. К власти, не способной подыскать себе помещение, вряд ли кто-то мог относиться серьёзно. Разрешить вопрос помог комиссар харьковской Красной гвардии Беленкович. От имени отряда, сразу же подчинившегося ЦИК Ук, он предложил занять *любое* помещение, «так как на меньшевистский Исполком Совета надеяться не следует».

Тут же подыскали и «помещение». Это была типография и склады «буржуазной» газеты «Южный край»¹¹⁶ на Сумской улице. Обратились в исполком, но там передать помещение отказались категорически. Тогда президиум *поручил* Беленковичу занять указанные площади. 17 декабря отряд красногвардейцев завода «Всеобщей Компании Электричества» без какого-либо противодействия занял типографию и склады и выставил караулы.

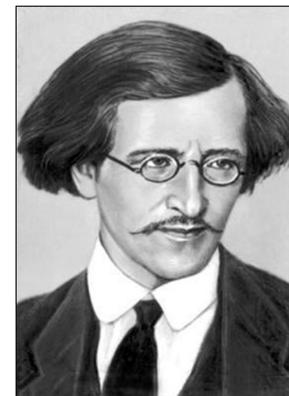
Разразился скандал. Больше даже меньшевиков из исполкома возмущались свои же местные «ленинцы». Сказалось и отсутствие в городе выехавшего в Петроград Артёма, который по уверению Е. Бош, в подобных случаях всегда сдерживал харьковчан. На экстренное заседание Областного комитета был вызван для объяснений председатель Краевого. Там ему было заявлено, что приезжие своими действиями только лишь дезорганизуют местную работу. Все попытки объясниться, ни к чему не привели. После нескольких совместных заседаний президиум Краевого комитета предложил Областному прекратить бессмысленные пререкания и апеллировать в ЦК партии.

Через несколько дней в Харьков прибыл командированный на юг Серго Орджоникидзе, который, помимо прочего, взял на

¹¹⁶ Помещение типографии газеты было выбрано не случайно. Помимо прочего его занятие давало возможность Народному секретариату наладить, наконец, выпуск своего печатного органа – «Вестника ЦИК». До этого как Исполком, так и Областной комитет свои типографии предоставить отказались.

себя сглаживание «трений с местными работниками». Петроград в этом вопросе решительно встал на сторону ЦИК Украины. «Харьковским товарищам» было предложено прекратить мелочные придирки и официально признать ЦИК Ук и Народный секретариат. Вплоть до самого переезда Советского правительства в Киев незаметный для постороннего глаза, но вполне ощутимый вялотекущий конфликт, то затухал, то вспыхивал с новой силой, но так и не прекращался. Харьковчане, подчинившись требованиям ЦК партии, перешли к тактике скрытого бойкота.

Столь же нетерпимо относились они и ко всему, связанному с возможным конфликтом с Радой, а, следовательно, и к прибывшим из центра советским отрядам. «...Несмотря на своё безволие и дряблость, – вспоминает Антонов-Овсеенко, – Ревком требовал от меня, чтобы я не осмеливался, помимо него, распоряжаться ни гарнизоном Харькова, ни красной гвардией, ни военными запасами в городе. Более того, Харьковские большевики потребовали, чтобы я вообще никаких действий без их согласия не предпринимал.

В.А. Антонов-Овсеенко

Я согласился только на своевременное извещение их о моих планах.

Так называемый «Областной Комитет», во главе с тов. Васильченко, пошёл ещё дальше. Однажды ко мне в штаб явился от имени этого Комитета неведомый мне весьма юный товарищ «для работы». Я выразил большое удовольствие, что вот, мол, получаю, наконец, реальную помощь. Но когда предложил товарищу определить, какую бы он взял работу в Штабе, то услышал: «Я, собственно, направлен для контроля над вами».

Я вынужден был от такого сотрудника отказаться.

Иначе отнеслись к моей работе товарищи из Цикуки. Они сразу вступили с нами в деловой контакт, выделив для связи

и работы в Штабе серьёзного товарища Сергея Бакинского...»

Советское командование в Харькове оказалось в затруднительном положении. С середины декабря в Совнаркоме возобладало мнение, что Раду следует признать и от попыток установить Советскую власть на Украине вооружённой силой отказаться. Во всяком случае, ещё и 30 декабря СНК официально подтверждал, что «...национальные... требования украинцев, самостоятельность их *народной республики*, её права требовать федеративных отношений, признаются Советом Народных Комиссаров полностью и никаких споров не вызывают».

«В виду такого положения вещей, – пишет Антонов-Овсеенко, – я, по отношению к Украине, ограничивал военные действия лишь заслоном, разоружением украинизированных частей и разрывом сообщений Украины с Донбассом и Доном.

Но и эти мои действия казались Совнаркому слишком враждебными по отношению к Раде. Сталин¹¹⁷ делал мне упреки в этом смысле – и я должен был ему объяснять стратегическую необходимость для нас захвата южной магистрали.

Положение серьёзно осложнялось созданием «Народного Секретариата Украинской Советской Республики, выделенного «Цикукой»...

«Цикука» неоднократно настаивала на моём наступлении в сторону Полтавы, но я выжидал, заявляя при этом, что, во всяком случае, не начну военных действий, пока в нашем распоряжении не будет своей чисто украинской боевой части¹¹⁸».

Как видно, Антонов-Овсеенко, в отличие от того же Мура-

¹¹⁷ В Советском правительстве И.В. Джугашвили (Сталин) занимал пост наркома по делам национальностей.

¹¹⁸ Впрочем, военные действия, хотя и необъявленные, уже велись. 13 декабря отряд Руднева попытался атаковать узловую станцию Лозовая, но успеха не добился. 16 декабря станция была взята, утром вновь отбита и к вечеру 17 декабря занята окончательно Егоровым. После этого, продвигаясь в эшелонах по железнодорожным магистралям с 18 по 22 декабря советские части почти без сопротивления заняли Павлоград, Синельниково, Змиев, Купянск, Изюм и практически всё Левобережье Юга Украины.

Однако, считалось, что это были лишь необходимые меры по обеспечению беспрепятственного прохода советских отрядов к Дону и, следовательно, ни Совнаркомом, ни Антоновым-Овсеенко как открытое объявление войны Раде, не рассматривались.

вьёва, не только разбирался в оперативном планировании, но мог оценить и политическую ситуацию. Он прекрасно понимал, что если дело и дойдёт до вооружённого конфликта, формально таковой может быть только гражданским: между Радой и вновь образованным Советским правительством Украины.

Что касается «чисто украинской части», то она вскоре была сформирована в Харькове. Чтобы обезопасить себя от всяких неожиданностей, было решено разоружить 2-й Украинский полк, и это обстоятельство обусловило зарождение ставшего впоследствии легендарным Червоного казачества.

План действий разработали вновь назначенный военный комендант города Войцеховский¹¹⁹ и Шаров¹²⁰. Суть его сво-

¹¹⁹ Антонов-Овсеенко характеризует обстоятельства назначения на должность будущего военного комиссара Ростова Войцеховского следующим образом: «Непрекращающиеся безобразия в городе, смелые действия уголовников и анархистов, постоянные белогвардейские покушения на штабы наших частей, полная разруха в гарнизоне, свободная торговля оружием и военным снаряжением на рынках, – весь этот беспорядок побудил меня стремиться к установлению в городе *авторитетной* военной власти. По соглашению с Ревкомом, был назначен, почти тотчас по организации моего штаба, комендантом города Харькова – матрос Канунников; но вскоре его пришлось убрать, *по подозрению в пьянстве*. Он заменён тов. Войцеховским, рабочим Путиловского завода, начальником штаба Красной Гвардии Петергофского района и членом тамошнего Совета. Человек лично безусловно порядочный, совершенно испытанный, *революционно настроенный*, Войцеховский повёл жестокую борьбу с бандитизмом всех ступеней. Ему удалось установить относительный порядок в городе. Но Ревком отнёсся весьма ревниво к его назначению, хотя это назначение состоялось с его согласия, и не только не оказывал Войцеховскому никакого содействия, а всячески раздувал его мелкие неизбежные неудачи и промахи. Сносных работников в помощь Войцеховскому я выделять не мог – не из кого было, а местные товарищи только злорадствовали, злоушничали вместе с обывателями и не оказывали коменданту поддержки».

¹²⁰ Биографию Шарова, впоследствии столь активно пытавшегося преследовать добровольцев на левом берегу Дона, Антонов-Овсеенко в своих «Записках» не приводит. Остаётся предположить, что он, как и Войцеховский был комиссаром либо командиром среднего звена одного из прибывших с севера отрядов Красной гвардии. Известно лишь, что после Харькова Шаров был назначен на должность комиссара Изюмского уезда. Именно к таким, как Шаров, могут быть отнесены следующие строчки Антонова-Овсеенко: «Местный губком не присылал ко мне работников, и приходилось ставить на посты комиссаров на станциях, посылать по реквизиции хлеба тех ребят, какие были под рукой. А были эти ребята, по большей части, приезжие питерцы или моряки brave, но малоопытные, не умевшие находить вежливых оборотов речи там,

дилась к тому, чтобы ночью подвести к казармам 2-го полка броневики, открыть огонь, и, воспользовавшись паникой, принудить гайдамаков сложить оружие. В.М. Примаков предложил предварительно сагитировать часть солдат перейти на сторону Советской власти, на что получил согласие.

«Мы с В.М. Примаковым, – вспоминает И.Ю. Кулик¹²¹, – ночевали в той комнатухе, где помещалась касса Народного Секретариата...

В тот памятный вечер, 27 декабря 1917 года по старому стилю, Виталий сказал:

- Ты лучше не раздевайся, предстоит интересное дело ночью.
- А что, уж не готовится ли нападение на кассу?
- Нет, на этот раз мы, пожалуй, сами нападать будем.

Меня это несколько удивило. На Дону в это время шла вооружённая борьба с корниловцами, в Харькове поэтому находился штаб наркома по борьбе с контрреволюцией В.А. Антонова-Овсеенко, но сам по себе Харьков был в достаточной мере уже очищен, корниловских банд поблизости не было... О возможности вооружённого столкновения с Центральной радой я не подумал...

Виталий разрешил моё недоумение:

- Будем разоружать второй Украинский полк.

Я знал, что Примаков уже ведёт работу по разложению этого полка, что есть у него там «свои ребята». Поэтому поразительно простым и легко осуществимым показался развитый им план разоружения.

где видели контрреволюционную закорючку или саботажный выверт; а иногда были это люди и недостойные – пьянчуги и тупые насильники...

Но я полагаю, что это была неизбежная ступень в гражданской войне, – подбор умелых и разумных революционных администраторов не проводится во время революционной горячки с желательной аккуратностью...»

Следует лишь добавить, что персонально комиссар Шаров при всём при том откровенным пьянчугой, тем более, «тупым насильником» не был. А был лишь человеком, чьи деловые качества и склад характера вряд ли соответствовали занимаемым должностям, а амбиции не позволяли в этом признаться.

¹²¹ В Народном Секретариате первого состава занимал должность заместителя народного секретаря по национальным и иностранным делам С. Бакинского.

– Девятая и одиннадцатая роты¹²² совсем наши. Мы, значит, пройдём в казарму, арестуем дежурного офицера, раздадим солдатам патроны. Сопrotивления можно ждать только со стороны пулемётной роты. Но мы из окон обстреляем пулемётчиков и сразу терроризируем их...

– Но ты говоришь, что только две роты наши. Справимся ли мы со всем полком, если сопротивление всё-таки будет оказано?

– В полночь приедет военный комендант города Войцеховский с бронемашинами, он и будет руководить разоружением. А до этого руководство операцией возложено на Шарова...»

Всё это на первый взгляд представлялось весьма сомнительной авантюрой. Однако не следует забывать, что в обстановке хаоса и неразберихи человек решительный и смелый мог добиться многого. Виталий Примаков¹²³ в свои двадцать с небольшим прошёл суровую школу жизни и именно такими

---

¹²² В частях Рады роты именовались сотнями, но, видимо, непривычное название, особенно, среди фронтовиков прижиться не успело.

¹²³ Виталий Маркович Примаков родился 18 декабря 1897 года в местечке Семёновка Новгород-Северского уезда Черниговской губернии в семье учителя. Под влиянием семьи Коцюбинских вошёл в состав «революционной нелегальной организации учащихся» и в 14-м году примкнул к большевикам. Через год, будучи гимназистом, за распространение среди солдат Черниговского гарнизона антивоенных листовок и хранение оружия был арестован и сослан на поселение в Восточную Сибирь. Освобождённый после Февраля в июне 17-го года оказался в Киеве, где стал членом Краевого комитета РСДРП(б). Будучи делегатом II Съезда Советов, принимал участие во взятии Зимнего дворца, а позже, командовал одним из отрядов Красной гвардии под Пулковом и Гатчиной. Съездом Советов был избран во Всероссийский ЦИК, которым по просьбе Народного Секретариата направлен в Харьков. Организатор и бессменный командир Червоного казачества. В гражданскую – комполка, комбриг, комдив, а с октября 1920 г. командир 1-го конного корпуса Червоного казачества. С 1935 г. – заместитель командующего Ленинградским военным округом.

14 августа 1936 г. (по новому стилю) В.М. Примаков был арестован. После девяти месяцев содержания в тюрьме дал показания, в которых признал, что принимал участие в антисоветском троцкистском заговоре. Вместе с М.Н. Тухачевским, И.Э. Якиром, И.П. Уборевичем и другими высшими командирами РККА 11 июня 1937 г. (по новому стилю) специальным присутствием Верховного суда СССР был приговорён к смертной казни и на следующий день расстрелян.

качествами и обладал. Характер его успел закалиться. Непостижимым образом в 17-м году в Киеве и Петрограде, в гражданскую под Фатежем и Проскуровом и даже в предрасстрельном 36-м этот человек оказывался на наиболее значимых, переломных участках. Прирождённый лидер, беспощадный суровый боец, Примаков оставался в душе отчасти и романтиком. Отсюда и конные рейды, и смелые, на грани риска решения и поступки...

Около полуночи Примаков с Куликом подошли к казармам 2-го полка. Поверх гражданской одежды на них были солдатские шинели, но и эта наспех устроенная маскировка не понадобилась. Часовой дремал и не обратил на входящих никакого внимания. Проследовали в помещение 9-й роты. Примаков разыскал знакомых солдат, обсудил с ними план действий. Затем, разбудили и собрали остальных. Раздали патроны.

Прибывшего дежурного офицера обезоружили и арестовали, после чего подняли и вооружили и 11-ю роту. К этому времени пришёл из города и Шаров. Впрочем, его участие в разоружении полка, по словам Кулика, свелось к минимуму¹²⁴. Время между тем шло, а броневики всё не прибывали. Без них ни Шаров, ни Примаков разоружать полк не решались. Солдаты начинали нервничать, в любой момент могли разоружить их самих. Все прекрасно понимали, что если выступление не состоится, подобное не сойдёт с рук.

Наконец уже в два часа ночи послышался шум моторов. Броневики въехали на территорию казарм, и тут же прибывшие с ними красногвардейцы открыли беспорядочную стрельбу.

¹²⁴ «Держался он трусливо, – вспоминает Кулик, – о чём-то шептался тайком с наименее выдержанными солдатами. Когда я обратил на это внимание Примакова, он резко ответил:

– Раз на него возложено командование, наш долг подчиняться! – Потом добавил более спокойно: – Мы с тобой не будем оставлять его ни на минуту. Если заметим подозрительное, попросту пристрелим. А я попытаюсь забрать инициативу в свои руки».

По прошествии стольких лет трудно, конечно, судить действительно ли Шаров в неясной обстановке среди незнакомых ему людей проявил растерянность или же негативное отношение к нему Кулика продиктовано будущими конфликтами.

Солдаты 9-й роты поддержали их, дав залп из окон, но тут же кто-то сообразил, что окна ротного помещения выходят в сторону, противоположную казарме пулемётчиков¹²⁵. Примаков выстроил две роты, начал выводить их во двор. Но там красногвардейцы, не знавшие расположения зданий и помещений, не представлявшие совершенно, где, собственно, противник, продолжали палить во все наблюдаемые окна и двери. Пулемёты на броневиках также строчили, не переставая.

Угроза попасть под плотный перекрёстный огонь своих была вполне реальной. Шаров стусевался совершенно. Примаков уже открыто взял командование в свои руки. Он вытянул солдат цепочкой вдоль стен, откуда вывел отряд к казарме пулемётчиков. Ответного огня никто не открывал, и стрельба вскоре стихла сама собой. Не в последнюю очередь из-за того, что многие красногвардейцы в азарте расстреляли все патроны.

Сопротивления оказано не было. Бывшие в казармах офицеры поспешили их покинуть¹²⁶. Из дверей казарм выходили группами заспанные солдаты и без возражений складывали в кучи винтовки¹²⁷. Перспектива пусть и насильственной демобилизации и скорого возвращения на родину оказалась для них куда привлекательнее ночной перестрелки неизвестно с кем и неизвестно за что.

К рассвету 2-го Украинского полка Центральной Рады более не существовало. Большинство солдат 9-й и 11-й рот выразили желание продолжить службу на стороне Советов. Из них и

¹²⁵ «Мы, – пишет Кулик, – следовательно, стреляли впустую. План выработывали Войцеховский и Шаров, а мы все были столь увлечены мыслями о предстоящем выполнении этого плана, что не подумали даже проверить заранее его осуществление». И эти его слова свидетельствуют скорее о том, что растерялся не только Шаров. План планом, но поинтересоваться перед стрельбой у солдат о том, в каком направлении будет вестись огонь, Кулик с Примаковым могли бы и сами.

¹²⁶ В их числе оказался и командир полка Е.И. Волох, которому удалось беспрепятственно покинуть Харьков.

¹²⁷ Антонов-Овсеенко утверждает, что взято было до 10000 винтовок и 65 пулемётов – целый арсенал.

был вскоре создан «перший курінь червоного козацтва¹²⁸». Это и была та самая «чисто украинская» строевая часть, на формировании которой настаивал Антонов-Овсеенко.

Теперь для открытого выступления против Рады Народному секретариату требовался лишь формальный повод¹²⁹. И искать его долго не пришлось.

8.3.4.4. Выступление советских войск. Полтава. Екатеринослав. Круты

К концу декабря 1917 г. ситуация в Полтаве мало чем отличалась от той, которая сложилась в Харькове. Разница состояла лишь в одном: город располагался в стороне от пути следования советских отрядов, продвигавшихся к Дону из Центральной России и, соответственно, пришедших частей в нём не было. В том числе и по этой причине властные органы Рады действовали куда смелее, а Совет проявлял нерешительность и избегал любой активности. Однако в его составе нашлись радикальные элементы, и когда утверждённый Радой начальник гарнизона Ревуцкий развернул агитацию среди солдат, он неожиданно для всех был арестован сам.

В городе были расквартированы украинизированный 4-й полк и Виленское военное училище. Совет же в той или иной степени мог рассчитывать на поддержку расположенного в Миргороде сапёрного батальона в 2000 штыков и на солдат

¹²⁸ По свидетельству Е.П. Журавлёва, кроме трёхсот солдат 9-й и 11-й рот разоружённого 2-го полка ядро «Першого куріня» составили также и до четырёхсот харьковских рабочих-красногвардейцев. Что касается наименования, то оно было продиктовано желанием противопоставить формируемые национальные части ориентированному на Раду так называемому «вольному казачеству».

Разоружение 2-го Украинского полка произвело такое впечатление, что и Чигиринский Украинский полк, и несший караульную службу отряд поляков «1-го Польского революционного» полка, также сложили оружие по первому требованию. Войск, на которые могла бы опереться Рада, более в Харькове не оставалось.

¹²⁹ 27 декабря Народный секретариат издал распоряжение об упразднении губернских, уездных и городских комиссаров Центральной Рады с передачей всех дел и закреплённого за ними имущества Советам. Становилось очевидным, что конфликта с Радой не избежать.

авиапарка. Как видно, силы сторон были, по меньшей мере, равны. Но в Совете и даже среди большевиков преобладали люди, настроенные весьма умеренно. Любое обострение отношений с Радой представлялось им чреватым немедленным разгоном Совета вооруженной силой. В конце концов, Ревуцкий был освобождён¹³⁰.

С 14 декабря из Киева в Полтаву начали прибывать вызванные надёжные части: батальон георгиевских кавалеров и позже полк имени Богдана Хмельницкого. Подошёл также и блиндируемый поезд. Опираясь на верные Раде штыки, Ревуцкий перешёл от слов к делу. В городе начались обыски и аресты. В ответ один из анархистов, некто Дунайский, не имевший, кстати, никого отношения к Совету, застрелил в гостинице «Европейской» командира «богдановцев» Ластовченко, после чего Совет был разгромлен, и наряду с новыми массовыми арестами пошли уже и погромы. Оказать сопротивление «полтавские товарищи» так и не рискнули, да и время было упущено безвоз-

¹³⁰ Этот эпизод Д. Эрдэ описывает следующим образом: «Некий полковник Ревуцкий занялся провокацией. Среди русских авиационного парка, стоявшего в Полтаве, он распространял слухи, что 4 полк, состав которого по преимуществу был украинским, собирается разоружить авиационный парк. В 4 полку он вёл агитацию против авиационного парка, якобы имеющего намерение разоружить 4 полк. Эта провокация, чуть не приведшая к кровавой схватке, своевременно была раскрыта Маркусом и Каской, председателем комитета авиационного парка. Каска пользовался неограниченным влиянием и авторитетом в парке.

Когда провокация была обнаружена, Ревуцкий был арестован и предстал перед судом солдатской секции совета... Ревуцкий, защищаясь, доказывал, что большевизм чужд украинским массам. Солдатская секция была настроена весьма недружелюбно к этому полковнику, и его судьба была бы решена, если бы не вмешательство группы большевиков, считавших пока несвоевременным применять к контрреволюционерам высшую меру наказания... Этот же полковник Ревуцкий вызвал из Киева богдановцев, очевидно, с намерением покончить с советом. Около 20 декабря (ст. стиля) в Полтаву прибыл полк имени Богдана Хмельницкого. Полтавский совет встретил его с красными знамёнами. Богдановцы освободили Ревуцкого и начали хозяйничать в городе по-своему...»

К сказанному следует добавить, что упомянутый Каска (Антонов-Овсеенко называет иную фамилию – Каск), человек смелый и решительный, погиб впоследствии в бою при отчаянной попытке остановить немцев под Таганрогом.